
МАТЕРИК БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

П.С. Гуревич, Э.М. Спирова

СМЕРТЬ КАК ЗАЛОГ ЛЮБВИ (ОБ ОТНОШЕНИЯХ С. ШПИЛЬРЕЙН И К.-Г. ЮНГА)

Аннотация. В статье на основании документальных материалов и научных текстов воссоздается история сердечных отношений между Сабиной Шпильрейн и Карлом Густавом Юнгом. Эта любовь, которая продолжалась несколько десятилетий отразилась на их теоретической деятельности, привела их к индивидуальным и общим открытиям. С. Шпильрейн принадлежит к плеяде выдающихся представителей психоаналитической теории. Её научное наследие нуждается в тщательном изучении. Тяжёлые обстоятельства жизни не позволили ей получить полного признания. Авторы статьи пытаются исправить эту несправедливость. В качестве метода анализа используется историзм. Авторы анализируют те основы психоаналитической теории, которые застала Сабина Шпильрейн и затем показывают её вклад в развитие психоанализа. Используются также философско-антропологические подходы, позволяющие раскрыть специфические черты человеческой природы.

Новизна статьи в попытке впервые в отечественной литературе дать основательный анализ теоретических достижений С. Шпильрейн, обосновать её приоритет в появлении базовых идей психоанализа. В частности, сам З. Фрейд признавал её заслугу в продвижении темы Танатоса. В статье также рассказывается о любви, которая захватила этих двух людей и оказала влияние на их творчество.

Ключевые слова: психоанализ, Сабина Шпильрейн, любовь, смерть, истерический характер, Эрос, Танатос, проекция, символика, идентичность.

Зарождение любви

До небес и бездн достану,
Время торопя...
(Римма Казакова)

Мыслимо ли предположить, что женщина, пораженная душевным недугом, сама впоследствии станет врачом – и не только целителем, но и крупнейшим теоретиком? Возможно ли, представить, что поруганная любовь станет источником духовного возмужания, ресурсом поразительной креативности? Допустимо ли в любви искать её неизменный перевёртыш – смерть, и на этом основании исследовать подземные глубины этого переживания? Может ли бывшая пациентка, в конечном счете, оказаться душевным спасителем своего врача? Наконец, способна ли амбивалентность человеческих чувств раскрыть тайные движения души через недолгий роман еврейки и арийца в условиях надвигающегося нацизма?

Эти вопросы относятся к жизни и судьбе Сабины Шпильрейн. Ей посвящены многочисленные статьи, монографии, биографические романы

и даже документальные и художественные кинофильмы. Она стала героиней нескольких сценических постановок. Ей был посвящён ряд международных научных конференций. Однако никому из исследователей её жизни и творчества, как нам кажется, не удалось раскрыть истинную суть пережитой ей любовной драмы. Её любовь к К.-Г. Юнгу почти во всех публикациях и художественных произведениях представлена как романтическая история, которая завершилась предательством известного швейцарского психиатра. Испытывая неодолимые зовы плоти, физического влечения к ней, Юнг сумел устоять, чтобы затем отвергнуть хранимую супружескую верность в объятиях другой молодой чаровницы. Однако любовные отношения Сабины Шпильрейн и Карла-Густава Юнга продолжались в течение десятилетий. Сама она в этих рассказах представлена как жертва, на которую спроецировались сложные отношения между Фрейдом и Юнгом, их сближение и мучительный развод¹.

¹ См., к примеру: Лейбин Валерий. Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней. М., 2008.

Глубокое, плодоносное чувство Сабины к Карлу Юнгу в такой мелодраматической оснастке, сдобренной будто бы тщательной диагностикой механизма проекции, не имеет ничего общего с той животворной любовью, которая испытала Сабина. Да и могла ли она сама, хорошо осведомлённая в первоначалах психоанализа, оказаться наивной барышней, безмолвным объектом теоретических экспертиз Фрейда и Юнга?

История любви Сабины Шпильрейн к известному психоаналитику, создателю аналитической психологии могла бы быть абсолютно заурядной, если бы участники этого долгого союза сердец не вовлекли нас в водоворот глубинных открытий, связанных с секретами человеческой психики, её любовными безднами и танатологическими инкрустациями. В пересказе жизненных событий этой истории нет неожиданных разломов судьбы, обжигающих страстей удовлетворённого вожделения, счастливого брачного союза, душераздирающего разрыва крепких семейных уз.

Тогда о чём речь? О том, что только любовь может вызвать безмерное душевное потрясение, которое отзовется без преувеличения великими психологическими и философскими открытиями. Тайное родство любви к мудрости и любви к бесценному живому существу представлено в этой истории доказательно и впечатляюще. «Не бывает любви несчастной», – сказал поэт. Истинно так, если даже не до конца разделённая любовь способна пробудить одухотворённую мысль, оживить родники радостного творчества. И это случилось не только с Сабиной Шпильрейн, но и Карлом-Густавом Юнгом.

Рассказ начнём с мучений юной еврейки Сабины, которая испытывала симптомы загадочной болезни. Эта хворь называлась тогда «истерией». Так обозначали психическое расстройство, которое проявляется в виде телесных симптомов без каких-либо реальных нарушений: головные боли, параличи, спазмы, страхи, боязнь выступать на публике, отвращение к некоторым продуктам. В книгах того времени отмечалось: больные истерией склонны показывать посторонним язык и устраивать безобразные скандалы с битьем посуды. В дополнение к этим реакциям Сабину посещали странные видения, сердце томилось не всегда объяснимыми страхами. Она страдала бессонницей и нередко ощущала холодную потливость. Да, диагноз очевиден: невроз с истерическими симптомами.

Данное невротическое заболевание, которое обнаруживает себя в различных соматических расстройствах и психических состояниях человека, было известно ещё с древних времен. Этимологически это понятие связано с греческим словом «матка». В средние века истерию связывали с одержимостью бесом. В XVI в. возникла догадка, что эта болезнь вызывается патологией мозга. Многие врачи полагали, что данное заболевание присуще только женщинам. Неслучайно и в XIX в. истерию «выводили» из болезни матки. Врачи удаляли истеричкам клитор или применяли вальерьянку, которая позволяла «утишить» движения «блуждающей матки». Самая выраженная его особенность – это явно сексуальное поведение в сочетании со специфической телесной подвижностью, которая носит отчётливый оттенок эротичности. Связь женской истерии с сексуальностью известна давно. Женщин с такой структурой характера легко можно заметить по скрытому или демонстративному кокетству походки, взгляда и речи. Врачи указывали также на тайное влечение истеричек к самоубийству.

Ещё в детстве Сабина столкнулась с роковой поступью смерти и зовом суицида. Сначала покинула её бабушка. Сабина была очень привязана к ней. Поэтому утрата произвела на неё сильное эмоциональное впечатление. Она часто вспоминала её ладони, седые волосы и тонкие пальцы. Куда уходят люди после того, как они умирают? – думала девочка, внезапно поражённая конечностью человеческой жизни. Неужели после смерти исчезает, размывается даже образ любимого человека? И что вообще означает «не быть» после того, как человек жил, страдал, творил, молился Богу? Девочка замкнулась, стала искать уединения. Но смерть пришла в дом вторично. На этот раз неожиданно умерла от тифа младшая сестра Сабины Эмилия. Сабина приняла это событие как выражение абсолютной несправедливости. Эмилия, ласковая, хорошенькая, едва достигшая шестилетнего возраста... Как плохо, когда люди вообще умирают. Но почему Бог забирает к себе тех, кто ещё не успел пожить, поиграть?

В голове у Сабины роились, путались мысли. Что было бы, если бы люди уходили из жизни легко и безболезненно, не оставив боли ни в чьих сердцах? И почему безмерная, бескорыстная любовь должна пройти через утраты и пустоту? Может быть, не следует давать волю сердцу, позволять ему налиться страстью, только затем, чтобы потом

погрузиться в бездны отчаяния. Родители Сабины, слушая речи дочери, испытывали беспокойство. Что это – нервозность, детская впечатлительность или предвестие безумия?

Училась в гимназии Сабина успешно, в 1904 году окончила её с отличием. И тогда родители обратили внимание на неожиданные вспышки эмоций, перепады настроений. Однажды, когда Сабина рассказала маме про свои эротические сновидения, сомнения родителей были отброшены. Надо лечить! Девушку отвезли в санаторий, в Швейцарию, куда она приехала вместе с матерью и дядей из Ростова-на-Дону. Здесь в санатории она полностью отдалась фантазиям. Ей грезились откровенные сексуальные сцены. Молодая плоть рвалась к вожделениям. Иногда ей мнилось, что она попала в сети дьявола. Видения были не столь уж и невинными. Но самое главное – ей стало казаться, что мир фантазии гораздо интереснее самой реальности.

Обеспокоенные родители перевели её в лечебницу Бургхольцли, психиатрическую больницу при Цюрихском университете. Руководил этим учреждением известный в то время психиатр Эуген Блейлер. И вот он – перст судьбы: лечащим врачом Сабины стал известный швейцарский психиатр Карл-Густав Юнг. Первые встречи с доктором оказались банальными. Во время бесед он задавал простые вопросы: снятся ли ей сны, что вообще происходит в этих ночных фантазиях, какие чувства вызывают сновидения – сопряжены ли они со страхами или неожиданными зовами плоти? Всё это казалось девушке какой-то поразительной сказкой. Порой думалось, что врач всё знает о её ночных метаниях и тем не менее погружается в роптания её души всё глубже и глубже.

Однажды Сабине привиделся сон. В жаркий день возле штормового моря она встретила с молодым человеком. Он обнимал её, целуя, прижимал к себе всё крепче и, казалось, хотел, куда-то её увлечь. Сабина вся млела от этих жарких объятий, но её охватывал испуг. Она изо всех сил старалась избавиться от наваждения, молодой человек неожиданно ослабил объятья и сказал обомлевшей девушке голосом Юнга: «Хорошо. Тогда встретимся завтра».

Целый день Сабина провела в размышлениях, пытаясь вспомнить, как выглядел её «сновидческий» парень и почему он вдруг заговорил голосом лечащего врача. Возможно, это предостережение, наставнический посыл, намёк на греховность

свободного сексуального порыва. А может быть, это скрытый призыв, тайный знак, посланный через сновидение? Нужно ли рассказать об этом на очередной встрече? А может – не стоит, всегда сдержанный, угрюмый и серьёзный доктор, возможно, сочтёт это за воспалённый эрос. Но ведь он мой врач, я не смею утаивать от него подробности, которые, судя по всему, могут помочь в моём исцелении. Тогда надо сказать доктору, что любовная страсть, которая охватила меня во сне, неожиданно вызвала во мне не только томление, но и острое чувство отвращения, неприязни, даже возмущения.

Рассказывая доктору о сновидении, Сабина внимательно вглядывалась в лицо врача. Оно было по-прежнему невозмутимым. Не угадывалось даже тени упрека, порицания, намёка на известную заповедь – учитесь владеть своими чувствами. Сабина неожиданно для себя почувствовала холодок в груди. Понимает ли доктор то, о чем она ему рассказывала? Почему он так сдержан, непроницаем? Ведь по сути дела она поведала ему, как они любили друг друга во сне. Разве не так? Ведь тот незнакомец заговорил голосом Юнга. И фраза, которую он произнёс, была частой, знакомой. Отчего же врач не хочет понять, что это сновидение не является только её достоянием? Оно общее, сокровенное...

После сеанса знакомое чувство одиночества завладело душой Сабины. Она вспоминала бабушку, сестру. Старалась понять, почему она вообще оказалась в психиатрической больнице? Она ведь не безумна. Тогда что так встревожило родителей? И почему единственный человек, который мог бы объяснить ей эти сложности, остался в роли безгласного собеседника? Он лечит её, но как? Неужели молчанием? Или с помощью называния отдельных слов, на которые она должна откликнуться собственным, внезапно рождённым ассоциативным словом? Какие тайны открываются доктору в этой занимательной игре? И можно ли вообще овладеть этим редким искусством врачевания?

Сабина решила, что она не должна больше стесняться доктора, рассказывая о подробностях своей жизни, о своих сексуальных фантазиях. В конце концов, неужели его невозмутимое лицо не озарится улыбкой, укоризной или даже одобрением? На очередной встрече она сообщила ему, что уже с детства получает наслаждение не только от своих грёз. Она давно уже научилась получать знойное удовольствие не только в снах и фантазиях. Своё ненасытное желание она может теперь

удовлетворить и другим, испытанным средством, которое подсказало ей её тело. Слушая Сабину, Юнг подался вперёд и, как ей показалось, взглянул на неё с нескрываемым любопытством.

Сабина испытала воодушевление и стала ещё откровеннее рассказывать о своих оргазмах. Это было восхитительное чувство. Оказывается, об интимнейших подробностях можно говорить без утайки, без смущения и без лицемерной стыдливости. Да, ей знакомо это ослепительное состояние, молниеносный накат и чувство глубокой физиологической разрядки. Причём знакомо с раннего детства.

Сабине показалось, что после этих откровений сеансы стали живее, увлекательнее. Она вспомнила, как отец «воспитывал» своих дочерей с помощью телесных наказаний. Однажды он велел ей отправиться в комнату и задрать платье, чтобы удары ремня плотно соприкоснулись с плотью. Представив себе эту картину, Сабина зарыдала, и отец отменил расправу. Поразмыслив над этой сценой во время сеанса, Сабина сказала, что побои, которых всё же не удалось избежать в детстве, вызывали у неё обычно сильное сексуальное возбуждение. Она даже спросила у доктора, насколько это нормально, ведь телесное наказание не имеет ничего общего с половой разгорячённостью. Возможно, это род какого-то безрассудства, расстроенного ума. Юнг усмехнулся и сказал Сабине, что другие пациенты тоже рассказывали ему об этом причудливом соединении наслаждения и боли.

Сабине всё время хотелось подловить непосредственную реакцию Юнга, его неожиданный отклик на признание, его прямой интерес к ней как к женщине. И тогда Сабине показалось, что она сумела вызвать такую реакцию у Юнга. На очередном сеансе она рассказала Юнгу о смерти бабушки и сестры. Поделилась своими переживаниями, которые в то время вызвали в ней недоверие и даже неприязнь к жизни. Разве она имеет какую-то ценность, если всё равно завершается кончиной? Сабина добавила, что мысли о смерти сейчас преследуют её неотступно. Она даже обдумывает, какой способ ухода в другой мир можно было бы избрать. И тут, как помстилось Сабине, доктор на миг выпорхнул из своей закрытости. На его лице отразилась не только тревога, но даже и определённый испуг, сострадание.

Однажды на сеансе Юнг сообщил Сабине, что рассказ о своих внутренних состояниях – естественное желание пациентов. Исповедь как потребность свойственна людям. Позже Сабина встретила эту

мысль в трудах Юнга. Он писал: «Этим объясняется необычайное значение правдивых исповедей – истина, которая, наверное, была известна всем инициациям и тайным культам древности, что доказывает античное сакральное изречение: «Освободись от того, что имеешь, и ты будешь принят»².

После этих сеансов Сабина стала называть врача «мой Юнга». Любовь вошла в её сердце. Юнг превратился в постоянного персонажа её эротических фантазий. В мыслях она обдумывала детали предстоящего замужества, совместной работы на безумно интересном поприще. Но Сабина узнала подробности, которые сокрушили её мечты. Юнг, оказывается, женат и у него двое детей. Он пребывает в счастливом браке. О нём говорят как о примерном семьянине, всецело подчинённом велениям викторианской этики. Выходит, любовь бывает только благой. Она избегает греха и чурается общественного осуждения.

Порой Сабине безмерно хотелось обрести власть над Юнгом, повелевать им, заставлять его выполнять все её капризы. Но эти настроения подчас сменялись испуганным послушанием. Ей казалось, что она готова стать рабыней этого великого человека. Выполнять его волю, улавливать невысказанные его желания и быть покорной во всем, во всем. Так властвовать или заковать себя в неволю? Сколь отрадны эти восхитительные идеи. В 1917 г. Сабина Шпильрейн в одном из писем, адресованных Юнгу, писала: «А стремление к власти, – разве это не попытка добиться большего расположения в любви? А чувство несостоятельности? – От чувства неполноценности страдаешь потому, что из-за этого приходится умерять свои притязания на признание и любовь, невозможно существовать и продолжать свой род; это относится и к неосуществлённым, вытесненным желаниям, и к производным их сублимации»³.

В апреле 1907 г. Сабина поступила на медицинский факультет Цюрихского университета. Однако каким образом пациентка психиатрической клиники стала студенткой? Можно ли считать, что терапия Юнга оказала чудодейственное влияние на Сабину? Сам цюрихский целитель считал, что эта клиническая история – подарок судьбы. Её истолкование Юнгом, отданное на суд коллег, обеспечило

² Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 2007. С. 10-11.

³ Цит. по кн.: Лейбин Валерий. Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней. М., 2008.

ему явный престиж и теоретические дивиденды. С помощью этой клинической истории он завоевал сердце самого Фрейда и стал его любимцем.

Сабина представила в приёмную комиссию университета медицинскую справку, подписанную руководителем лечебницы Бургхольцли Э. Блейлером. Вот этот документ: «Мисс Сабина Шпильрейн из Ростова-на-Дону, проживающая в данной лечебнице и намеревающаяся поступить во время летнего семестра на медицинский факультет, не является душевнобольной (т.е. психотиком). Она принята сюда для лечения невроза с истерическими симптомами. У нас нет возражений против того, чтобы рекомендовать её к поступлению».

Трудно удержаться от удивления, читая этот документ. Сабину лечили от психоза, но через несколько месяцев официально заявили, что она не является душевнобольной. Но ведь истерия в то время считалась серьёзным заболеванием, имеющим медицинские и психологические показания. З. Фрейд начал свою врачебную деятельность с теми женщинами, которые страдали истерией. Собственно, именно первые клинические истории, рассказанные пациентками, натолкнули Фрейда на два открытия, которые заложили основу психоанализа. Прежде всего, он обнаружил, что истерические симптомы напрямую связаны с репрессированной сексуальностью. Почти все пациентки рассказывали терапевту о том, как их томили нереализованные сексуальные желания, либидозная тяга к отцу. Но эти эротические улады не достигали полного удовлетворения. Какая-то непонятная причина сковывала жгучие соблазны и не позволяла им получить полное наслаждение.

Фрейд также обратил внимание на тот факт, что пациентки испытывали желание рассказать о своих детских переживаниях. Они извлекали из своей памяти давние эпизоды и нередко как бы заново оказывались в давно забытых ситуациях. Фрейд взял на вооружение понятие «бессознательного», которое уже существовало в философии, но не было использовано в клинической практике. Теперь мысли о роли детского психосексуального развития и жизнь бессознательного сомкнулись в понимании З. Фрейда. Так появилось новое направление в мировой психологии – классический психоанализ.

Юнг, находясь первое время под сильным влиянием Фрейда, тем не менее не придавал особого значения детской сексуальности. Он неправоммерно сводил фрейдовскую концепцию либидо лишь

к критике современной ему психологии⁴. Юнг писал: «Когда узнаешь, как девятнадцатый век, ради сохранения своей картины мира, уродовал вполне естественные вещи, принося их в жертву своим сентиментально-морализаторским добродетелям, начинаешь понимать, что имел в виду Фрейд, утверждая, что младенец, получая материнскую грудь, приобщается к сексуальности»⁵. Но ведь тем самым Фрейд действительно предпринял попытку разрушить представление о «святом материнстве».

Неоценима роль З. Фрейда в разработке концепции сексуальности. Юнг явно ошибался, когда отмечал, что теория младенческой сексуальности имеет небольшую ценность, ибо какая разница гусенице, пожирающей листья, приписывают ли ей при этом получение обычного или сексуального удовольствия⁶. На самом деле теория психосексуального развития стала основой для глубинного понимания человеческих характеров, предусловием личностного роста.

Сексуальные влечения, по Фрейду, являются причиной различных невротических состояний. Однако, разумеется, не сами по себе как таковые. Психические расстройства возникают только тогда, когда рождается конфликт между специфическими запросами сексуальных влечений и противостоящего феномена в виде стыда, отвращения или нравственных запретов.

В работе «Влечения и их судьба» (1915) З. Фрейд значительно расширил собственные представления о влечениях. По его мнению, влечение стремится достичь удовлетворения. Объектом влечения оказывается тот, кто может помочь человеку реализовать данную цель. Фрейд писал о двух видах влечений: 1) сексуальных, направленных на объект, и 2) таких, которые создают стойкий источник различных психоневрозов.

Итак, Фрейд много внимания уделял проблеме истерии как медицинского заболевания. Но вот возникает парадоксальный вопрос: куда делись эти истерички как объект медицинской терапии, и почему такое заболевание в том варианте, как он было описано во времена Фрейда, исчезло из медицинской практики? Случай с Сабиной Шпильрейн отчасти проливает свет на эту

⁴ Юнг К.Г. Зигмунд Фрейд как культурно-историческое явление // Юнг К.Г. Дух Меркурий. М., 1996. С. 323.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 324.

проблему. Симптомы данного феномена вовсе не свидетельствуют о слабоумии или психотическом состоянии. Скорее всего, все эти показания относятся к определённому психологическому типу, своеобразному невротическому характеру. Истерические женщины среди нас и нет необходимости объявлять их психотиками и тащить в психиатрическую клинику.

Эрос и Танатос

...И – раскалясь в полете –
В прабогатырских тьмах –
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! – Эх! – Ах!

(Марина Цветаева)

Но разве Сабина Шпильрейн не проявляла поразительные странности поведения, которые вызывали разного рода опасения и недоумение? В 1977 г. в подвале женевского дворца Вильсон, где прежде размещался институт психологии, был обнаружен дневник Сабины Шпильрейн. В нём оказались записи, которые она вела с 1908 по 1912 гг. находка содержала также многочисленные письма, которыми обменивались с 1906 по 1923 гг. Фрейд, Юнг и Сабина Шпильрейн. Как показывает переписка, к тому времени общение Сабины и Юнга вышло за пределы только личной клинической истории.

Пациентка настолько увлеклась психоанализом, что затрагивала уже и профессиональные вопросы. Но приватные проблемы превратились в неистовый поиск душевных невзгод и мучений. Сабина хотела любви и взаимности. Но в тоже время она испытывала ощущение собственной неполноценности. Кто, собственно говоря, она такая? Обычная пациентка, которую мучают кошмары, сексуальные оползны, неразделённые страдания? А тот, о ком она мечтает, известный психоаналитик, главврач клиники, целитель, постигший глубины душевных состояний. Как растопить его сердце? Как убедить его в том, что она не просто вздорная девушка, которая ищет сексуальной близости? В ней дремлют нераскрытые душевные силы, огромная жажда жизни и свершений. Но скорее всего она, Сабина, для Юнга, всего лишь одна из обычных пациенток клиники?

Иногда Сабине казалось, что Юнг, наконец-то оценил её женское обаяние, пылкий ум, открытость души. Но крайнее высокомерие неожиданно

замещалось мыслями о её собственной незначительности. Душу начинает терзать комплекс неполноценности. Сабина погружается в депрессию. Она крайне болезненно ощущает своё одиночество, неприкаянность. Дневник свидетельствует также о соблазне самоубийства.

Конец 1905 г. и три последующие года прошли под знаком невероятного обожания Юнга. Сабина ходила на его лекции, часто беседовала с ним наедине. Спустя годы, ей уже трудно было вспомнить, когда она призналась учителю, который был старше её на десять лет, в своей любви к нему. Но скорее всего она написала ему в письме. Однако кумир не высмеял её чувства, не отнесся к ним с пренебрежением. Поэтому она обрела смелость и стала всё чаще сообщать ему, как сильно и незабвенно она любит его, как гордится ещё неполной близостью с ним, как часто в своих мечтах соединяет две судьбы.

В ту пору Сабине казалось, что она готова добраться до невероятных высот, опуститься в любые бездны жизни, лишь бы сохранить и укрепить своё чувство. Любовь обнажила свою пожирающую мощь. Сабина ощутила в своей любви её скрытое искушение, судорожное и неудержимое влечение к смерти. В смерти есть такое же сладострастие как в любви – неумолимый знак гибели. Так думала она.

Теперь можно поставить вопрос, ради которого написана эта статья: «Способна ли любовь открыть философские глубины ума и сердца?». В наших исследованиях, посвящённых великим мыслителям, мы обычно рассказываем о том, какие идеи воспламенили юное воображение будущего любознателя, какие лекции позвали его на философскую стремнину, какие аудиторные диалоги выковали его мировоззрение. О том, испытывал ли этот мыслитель накатывающей страсти и любви, как повлияло это на его творчество, мы рассказываем мало. Сердечная привязанность Сократа к Ксантиппе вызывает сочувственную усмешку. Тайные визиты Декарта к своей провинциалке воспринимаются как анекдот. Зато скопическая приверженность философии Канта или Шопенгауэра рождают неслыханный восторг. Но обедняем ли мы, таким образом, внутренний мир мыслителей, которым, как и большинству людей, довелось испытать блаженство и укусы любви?

Пусть так. Но годится ли в качестве примера история любви истерички к своему целителю, которая реализовала себя лишь в фантазиях, привела к бурной взаимной страсти, но не к брачному со-

юзу? И есть ли в не всегда праздничной любви тот самый возбудитель напряжённой философской мысли и интуиции?

Истерические личности любят любовь. Они любят всё, что может способствовать повышению их самооценки – упоение, экстаз, страсть; любовь воспринимается ими как вершина всех переживаний. Если личности с навязчивостями рассматривают любовное томление как насилие, то истерические личности поддерживают дионисийское отношение к любви. Их влечёт к безграничным любовным переживаниям, однако, не в форме самоотдачи, как у депрессивных личностей, а в плане распространения и расширения своего Я до его апофеоза. Если депрессивные личности стремятся перейти границы собственного Я для симбиотического слияния с партнером и тем самым пытаются трансцендентировать себя во вне, то истерические личности хотят усилить интенсивность своих переживаний, т.е. направляют любовные чувства вовнутрь, для удовлетворения своего Я. Поэтому любовные взаимоотношения истерических личностей характеризуются интенсивностью, страстностью и требовательностью. Однако боль близкого человека далеко не всегда внятна людям этой психологической структуры.

Они ищут в любви прежде всего подтверждения своего Я, им нравится упоение и опьянение любовными чувствами. Они воспринимают любовные отношения как кульминацию всей своей жизни. Создание эротической обстановки является для них чем-то, само собой разумеющимся, они прибегают к различным способам очарования и соблазнения, часто бывая истинными мастерами эротики. Они одинаково хорошо владеют её различными инструментами – от лёгкого флирта и кокетства до искусства обольщения во всех его нюансах. Истерические личности, как правило, считают, что партнер должен поддерживать в них чувство собственной любовной привлекательности. Они обладают большой силой внушения, против которой трудно устоять, и принуждают партнера оценивать их достоинства и привлекательность.

В 1909 г. Сабина Шпильрейн сама вступила в переписку с Зигмундом Фрейдом. Основатель психоанализа тоже видел в Эросе основной инстинкт. Он славил его плодотворную силу, его животворящую мощь. Да, любовь создает и преобразует жизнь. Но откуда тогда агрессия, насилие, мучительная тяга к смерти? Эта мысль не давала по-

кой Сабине Шпильрейн. 29 ноября 1911 г. Сабина Шпильрейн выступила с докладом на заседании Венского психоаналитического общества. Среди её слушателей оказалось около 20 человек. Однако это были люди, которые впоследствии внесли значительный вклад в психоанализ. Среди них – Ганс Закс, Отто Ранк, Поль Федерн, Вильгельм Штекель, Виктор Тауск. Название её доклада казалось парадоксальным – «Деструкция как причина становления». То, что жизнь завершается смертью, не нуждается в пояснениях. Но каким образом разрушение может стать залогом неожиданного развития? Слушатели воспринимали это сообщение с нарастающим удивлением. Они забросали её колкими репликами. Но Сабина с достоинством отвечала на все вопросы. После этого выступления её приняли в Венское психоаналитическое общество.

Позднее С. Шпильрейн опубликовала свой доклад⁷. Он сразу принёс ей известность и славу. Теперь ей предстояло развить собственные идеи, рассмотреть более детально вопрос о том, почему связанный с положительными чувствами сексуальный инстинкт в то же время порождает такие отрицательные эмоции, как тревога и отвращение? Отчего целое буквально может взорваться от внутренних импульсов и противоречий?

Сабина опиралась на собственную интуицию и зачатки своей терапевтической практики. Как можно объяснить, что отрицательное отношение индивида к сексуальной деятельности особенно бросается в глаза у невротиков? В поисках ответа она обратилась к сочинениям Юнга. То, как он понимал эту проблему, казалось для Сабины выстраданным и понятным: «Страстная тоска, то есть либидо, имеет две стороны: это сила, которая всё украшает и, в зависимости от обстоятельств, всё разрушает. Часто делают вид, будто не могут правильно понять, в чём же может состоять разрушающее качество творящей силы. Женщина, которая, особенно в современных обстоятельствах культуры, поддается страсти, узнаёт это разрушающее свойство очень быстро... Страх перед эротической судьбой вполне понятен, так как в этом есть что-то необозримое, вообще судьба таит неизвестные опасности, и то, что из-за постоянных колебаний невротик не решается жить, объясняется желанием иметь право стоять в стороне, чтобы не быть вынужденным участвовать в опасной битве

⁷ Шпильрейн Сабина. Психоаналитические труды. Ижевск, 2008.

за жизнь. Кто отказывается от риска переживать, должен для этого подавлять в себе это желание, то есть совершить своего рода самоубийство. Этим объясняются фантазии о смерти, охотно сопровождающие отказ от эротического влечения»⁸.

Изложив суждение Юнга, Сабина решает на полемическое соображение. Юнг приводит представления о смерти не в соответствие, а в противоположность сексуальным представлениям. С. Шпильрейн же говорит не о противостоянии этих двух тенденций – влечения к любви и страха перед гибелью. Она в своем докладе пыталась донести мысль о сплетённости этих чувств. Любовь есть изнанка смерти, а смерть есть торжество любви. Эти идеи позже найдут более обстоятельную трактовку в сочинениях Н.А. Бердяева и Э. Фромма. Но пока Сабина отстаивает эту мысль в одиночку. Всепожирающая любовь обернулась в трактовке Сабины всеуносящей смертью. Судя по всему, это была первая догадка С. Шпильрейна о беспощадном боге Танатосе. Это позже признает и сам Фрейд. В этом сочинении Сабина впервые ввела в научный дискурс и подвергла междисциплинарному анализу понятие «деструктивного импульса». Нетрудно разглядеть в этих размышлениях Сабины живой отклик на перипетию её любовной истории с Юнгом. Разве не проглядывало в её чувствах смертоносное жало? И не является ли смерть лучшим подтверждением страстного растворения в другом человеке?

В психоаналитических кругах, как свидетельствуют биографы З. Фрейда, нередко возникали споры о приоритете в рождении той или иной проблемы и её разгадке. Шпильрейн, по общему признанию, первая обозначила деструктивный компонент сексуального влечения. Но несомненно и другое – она предвосхитила более поздние труды по садо-мазохизму и концепцию Фрейда о «влечении к смерти».

Начиная с 1920 г. З. Фрейд приступил к созданию нового теоретического остова для психоанализа. С этого времени ведут свой отчёт теория инстинктов Жизни и Смерти, навязчивое повторение, деление личности на эго, супер-эго и ид, новая теория природы тревоги. Эти искания находились в русле общего для философов и психологов установления основного инстинкта, который определяет жизнедеятельность людей. Фрейд выделил дихотомическую пару – Эрос и Танатос. Он считал, что инстинкт смерти направлен против самого

живого организма и потому является инстинктом либо саморазрушения, либо разрушения другого индивида.

Если инстинкт смерти оказывается связанным с сексуальностью, то он находит выражение в формах садизма или мазохизма. И хотя Фрейд неоднократно подчёркивал, что интенсивность этого инстинкта можно редуцировать, основная его теоретическая посылка гласит: человек одержим одной лишь страстью – жадной разорубить либо себя, либо других людей, и этой трагической альтернативы ему вряд ли удастся избежать.

В своих ранних трудах Фрейд делал акцент почти исключительно на сексуальности. Страх смерти толковался как производное от тревожности, связанной с разлукой или страхом кастрации, и коренился, с его точки зрения, в предэдиповых и эдиповых стадиях развития либидо. Большинство последователей Фрейда приняли данный подход, внося в него изменения и дополнения.

В 1920 г. Фрейд свёл воедино свои взгляды на смерть и придавал им законченный вид, сформулировав обширную биопсихологическую теорию человеческой личности. В работе «По ту сторону удовольствия» он постулировал существование двух типов инстинкта: служащего сохранению жизни и стремящегося вернуть его туда, откуда она произошла. Последние замечания, касающиеся роли инстинкта смерти, появляются в последнем значительном сочинении З. Фрейда «Очерк психоанализа» (1938). В нём коренная дихотомия между двумя могучими силами: инстинктом любви (Эросом) и инстинктом смерти (Танатосом) становится краеугольным камнем понимания Фрейдом ментальных процессов. Данная концепция была для него основной в последние годы жизни.

Инстинкт разрушения функционирует в каждом живом существе и старается привести его к гибели, сводя жизнь до первоначального состояния неодоушевленной материи. Инстинкт смерти только тогда превращается в инстинкт разрушения, когда он направляется на объекты. Живое существо сохраняет свою собственную жизнь, разрушая чужую. Но некоторая часть инстинкта смерти остаётся действовать внутри живого организма.

Итак, выводы Фрейда: пытаться избавиться от агрессивных склонностей людей бесполезно. Нет такой расы или такого региона земли, где жизнь проходит в спокойствии, и там нет ни принуждения, ни агрессивности. Не возникает вопроса о полном избавлении от человеческих агрессивных

⁸ Юнг К.Г. Либидо, его метаморфозы и символы. СПб., 1994.

импульсов. Достаточно попытки изменить их направление до такой степени, чтобы эти инстинкты не искали своего выражения в войне. Против разрушения следует пустить в ход Эрос. Всё, что способствует росту эмоциональных связей между людьми, будет работать против войны. Следовало бы также подчинить инстинктивную жизнь диктатуре разума.

Психические изменения, идущие рука об руку с культурным процессом, поразительны и недвусмысленны. Они включаются, по Фрейду, в постепенное смещение инстинктивных целей и ограничение инстинктивных импульсов. Представляются две самые важные психологические особенности культуры: усиление интеллекта, который начинает управлять инстинктивной жизнью, и перенесение вовнутрь агрессивных импульсов со всеми последующими преимуществами и опасностями.

Фрейд пришёл к этим мыслям в результате напряжённой мыслительной работы, переписки с Альбертом Эйнштейном, смутной невосполненности своей концепции и ощущения неясности многих клинических симптомов. Сабина Шпильрейн угадала эти истины женским сердцем, неистовым стремлением подняться к тем вершинам, на которых царствовал её повелитель. Она парадоксальным образом представила становление как результат разрушения. Причём Сабина утверждала, что лучшим подтверждением этой концепции является разноликое чувство любви.

Но как всё это связано с её личной психологической структурой? Наш вывод таков: Сабина Шпильрейн исчезла как истеричка, а с ней неожиданно растворился и сам этот болезненный персонаж. Пройдя через жизненные испытания, она вытравила из своей психологической структуры демонстративный эгоизм. Она задумалась о том, сколь важна в любви отзывчивость на переживания близкого человека.

Разумеется, это свидетельствовало о том, что она не психопатка, в ней нет соматической повреждённости. Но её психологическая структура действительно специфична, имеет ярко выраженные особенности: рельефность эмоций, повышенная возбудимость, противоречивость внутренних интроспективных обнаружений. Последующие исследовательские усилия Вильгельма Райха, Александра Лоуэна позволили рассмотреть в поведении Сабины черты истерического характера, но отнюдь не взбалмошной истерички.

Истерический характер

Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый.
(Александр Пушкин).

Что же определяет сущность истерического характера? В детстве ребёнок испытывает сложный замес чувств: романтических и сексуальных. Девочка вожделеет своего отца сексуально, поскольку в её психологическом мире эти чувства ещё не расщеплены. Только в последующем психосексуальном развитии более взрослый человек начинает понимать, что это совершенно разные чувствования. Одно чувство – сексуальное влечение, другое – эротическая влюблённость, которое не обязательно предполагает сексуальную близость. Взрослый человек осознаёт, что ему могут нравиться многие женщины, но не все они должны стать его сексуальными партнёрами.

Ребёнок ещё не знает различия между эротической взволнованностью и собственно сексуальным вожделением. Ему ведомо только одно недифференцированное чувство: девочка, любя отца, мечтает о полной близости с ним. Она хочет занять место матери – быть для отца женой и партнёршей. И если это не криминальный вариант (немало примеров, когда отец «подыгрывает» этим чувствованиям), то у девочки может закрепиться в психике ощущение не востребованности, обиды, поскольку её отвергли как женщину. Однако это вовсе не означает, что она станет носителем истерической структуры. В последующем развитии комплекс Электры может быть преодолен опытом её взросления. Иначе говоря, став чуть старше, девочка начинает понимать, что отец и не мог ответить на её чувства. Она осознаёт, что могут сложиться и другие отношения с отцом. Таким образом, психологический конфликт разрешается по жизни.

Сабина, как можно полагать, испытала сексуальное притяжение к отцу. Эти сильные проективные чувства она и предъявила Юнгу. Она видела в нём отца, наставника, руководителя жизни. В её отношении к Юнгу укрепился тот самый романтический компонент, который способен выразить всю полноту любовного томления. История культуры позволяет нам найти и другие яркие примеры платонических чувств. Поиск осмысленности

бытия, попытка насытить жизнь смыслом особенно рельефно проявился, скажем, в эпоху романтизма. Безраздельная любовь, даже не подкреплённая физической близостью, питала фантазии людей той эпохи. «Образ человека в романтизме сопряжён с постоянной и острой тоской по человеческой невосполненности, незавершённости. Такое рассогласование человека с самим собой явилось мощным духовным импульсом для возможного, порою реализуемого только в сфере грёзы, преодоления собственной односторонности»⁹.

Именно к романтической эпохе обратилась Сабина Шпильрейн для доказательства своей правоты, определяющей таинственную близость любви и смерти. Она ссылается на Рихарда Вагнера, обращает внимание, что в его опере Брунгильда умирает в огне (огне любви). И Шпильрейн комментирует: «Здесь смерть – это торжественная песня любви! Брунгильда словно пропадает в Зигфриде: Зигфрид – это огонь, освобождающий жар солнца. В этом древнейшем производителе (создателе) Брунгильда растворяется, сама становясь огнем. У Вагнера смерть есть часто не что иное, как разрушающий компонент инстинкта становления»¹⁰.

Из бесед Сабины с Юнгом мы уже получили нужный клинический материал, который характеризует её характер. Вспомним, хотя бы отношение Сабины к телесным наказаниям со стороны отца, её странное поведение, которое совмещало в себе эротический призыв и отвращение, холодность.

Что представляет собой истерический характер в психоэнергетическом отношении? Девочка уже имеет генитальные ощущения в отличие от орального или мазохистского характера. Но поскольку воспоминания об эдипальных отношениях становятся для неё параноидальными, навязчивыми, то её сексуальное чувство не может быть реализовано. Когда истерическая женщина сближается с мужчиной, то между нею и партнером неожиданно возникает образ отца. Проступает вся система отношений, которая складывалась между ними. Всплывает чувство обиды, страдания от того, что она была отвергнута. И в то же время мучает чувство вины, что она сама сейчас изменяет дорогому человеку. Это мешает ей быть по-настоящему генитальной женщиной. С одной стороны, она достигла

генитальной стадии развития, но, с другой стороны, у неё сложились проблемы психосексуального свойства. И эти черты истерической женщины мы наблюдали, прослеживая внутренний мир Сабины. Она, в частности, мечтает о том, чтобы снять шикарную комнату, пригласить к себе Юнга, растопить его разговорами о любви. Но при этом остаться неприступной. И когда он сломленный своим вождением, ринется в атаку, сохранить спокойствие духа. Вот он вкус победы, вкус вожденного торжества.

Женщина истерического типа подчёркнуто сексуализирована. Её манера одеваться, осанка, жестикация выглядят вызывающими. Со стороны может показаться, что истеричка пытается соблазнить всех подряд. Как только в поле её зрения появляется мужчина, она посылает ему сексуальный вызов. Но это совсем не означает, что она собирается отдаться этому мужчине. Напротив, она не желает такого финала. Ей доставляет особое удовольствие «динамить» мужчину, «заводить» его. Если же он отвечает на её призывы, она вдруг выражает недоумение: чего это он так разволновался?

Предположим, что истерическая женщина испытывает фантазию обольщения, в которой она представляет, что читает, сидя в парке, с чуть приподнятой юбкой, так что её нога видна. Такого рода грёзы вполне могли быть присуще Сабине Шпильрейн. Юнг интуитивно чувствовал это, когда беседовал с такой знойной девушкой.

Второй признак истерического характера связан с её детскими переживаниями. Ведь её отверг самый близкий человек. С тех пор она несёт в своем облике гордость как компенсацию за нанесённое ей оскорбление. Можно сказать так: эта горделивая поза, искусственная посадка головы, высокомерная осанка – всё это бессознательный вызов своему отцу. Что же получается? Оказывается, наша психика может «строить» тело. Телесность, вообще говоря, отражение нашей психической жизни. Тело может конструироваться в соответствии с теми психическими процессами, которые заставляют в одном случае наращивать мускулатуру, вырабатывать определённые позы. В другом случае, «гордость» – наш ответ Чемберлену. Это запоздалый вызов своему отцу.

Покорность – черта истерического характера. Женщина может приниженно принимать ласки, выглядеть абсолютно зависимой от партнера. На самом деле эта покорность выражает её детское послушное чувство к отцу. Женщина такого типа

⁹ Гуревич П.С. Философское толкование человека. М., 2012. С. 328.

¹⁰ Шпильрейн Сабина. Психоаналитические труды. Ижевск, 2008. С. 144-145.

вынуждена подавлять свою чувственность. Что мы имеем в виду, когда говорим, что девочка любит отца? Если ребенок достиг генитальной стадии развития, то чувства девочки к отцу сексуально окрашены.

Женщина истерического типа покорна почти демонстративно. Но это вовсе не акт любви. Если нежность проникает в сексуальные отношения, то тогда разрушается структура истерического характера. Однако истеричка сдерживает свои генитальные или романтические влечения. За внешней покорностью скрывается агрессивная установка, удерживаемая до поры до времени. Покорность основана на страхе наката сексуальных чувств, и как защита возникает выражение сексуальной покорности.

Ощущение девочки иное, чем у отца. Она по-настоящему сексуально и романтически (причем слитно), любит своего отца. Но он не может адекватно ответить на привязанность девочки, вот почему подсознательно она чувствует себя отвергнутой, оскорбленной в своих переживаниях. Этот психологический конфликт и оказывается источником истерического характера.

Истерическая женщина привыкла бессознательно сексуализировать все отношения: чувственная энергия переполняет её и ищет выхода. Поэтому её поведение со стороны кажется странным, провокативным... Вот почему Александр Лоуэн пишет: «Истерический характер – это личность, склонная сексуализировать все несексуальные отношения, ей свойственна внушаемость, иррациональные эмоциональные вспышки, хаотичное, драматизированное и театрализованное поведение и даже обман, вплоть до экстремальной формы – истерических фантазий»¹¹.

Истерическая личность замещает объективный мир романтическим и сентиментальным. Но неверно, будто они целиком погружены в фантазии. Часто оказывается, что их фантазии не являются очень развитыми. Романтическая склонность, пронизывает ежедневные мысли и суждения. Кумир, наконец-то, обнаружит её глубокие чувства и просто не сможет не оценить их. Истерические женщины ностальгически идеализируют фигуры из прошлого и сентиментально смотрят на настоящее. Ностальгические и идеализированные воспоминания (вне зависимости от их специфического

содержания) основаны на впечатлительности. Как правило, в таких воспоминаниях не хватает фактических деталей, и создается впечатление, что объективные факты и детали всё испортят.

То же самое качество присутствует и в истерической идеализации партнера или объекта романтической любви. Истерические личности с лёгкостью не замечают очевидных недостатков, что является важным аспектом романтической любви. С такой же лёгкостью они чувствуют полное отращение, совершенно так же, не принимая в расчет множества других деталей. В истерически-романтическом взгляде на жизнь есть и свои злодеи, и свои герои. Истерическая женщина, мгновенно идеализирующая встречного мужчину, скорее всего столь быстро почувствует отращение к кому-то другому (например, к человеку с физическим уродством или непривлекательному) и ужас по отношению к третьему. Романтическая склонность не привязана к определённому содержанию, хотя одни содержания подходят ей лучше, чем другие. В романтизме отсутствуют сложные и противоречивые фигуры или воспоминания, являющиеся признаками реальной жизни.

Если задать вопрос, какое содержание или сторона бытия будет доминировать в ментальной жизни впечатлительной истерички, то ответ будет такой: живые, яркие, эмоционально напряженные и эмоционально провоцирующие аспекты. Именно эти стороны замечает истерическая личность, и именно они составляют содержание романтических мыслей. Каждый человек в жизни что-то ищет: компульсивный человек ищет техническую информацию, параноик ещё более интенсивно ищет ключи, а другие и среди них истерики – ничего не ищут, а просто что-то сваливается им на голову. Они видят в жизни поражающие их, живые и яркие вещи. И потому простые фактические детали, менее яркие аспекты, противоречия и сухие, нейтральные стороны жизни для истериков остаются незамеченными. Субъективный мир у них яркий и захватывающий, но ему недостаёт плотности и фактов.

Например, истерическая пациентка, в данном случае Сабина, смотрит на кабинет терапевта (там великий Юнг), как на таинственное место, где обитают тёмные силы, потому что, впервые переступив порог, она оказывается под впечатлением двухстворчатых дверей, тишины и больших кожаных кресел. Лишь несколько месяцев спустя, она начинает замечать в комнате другие, более при-

¹¹ Лоуэн Александр. Физическая динамика структуры характера. М., 2002. С. 140.

вычные предметы: картины на стене, ковёр – всё, что лишало комнату таинственности.

В связи с актерством носителей этой психологической структуры мы обычно думаем исключительно об их эмоциональности, но такое поведение отличается не только эмоциональностью. Это, скорее, преувеличенная и неубедительная эмоциональность (например, когда истерик рассказывает фальшиво-драматическим голосом, делая выразительные жесты, про «боль и муки», которые причиняет ему его подруга). При этом они не выглядят неискренними. Иными словами, они не преувеличивают и драматизируют свои чувства сознательно, чтобы добиться конкретной цели или произвести какой-то особый эффект. Фактически они не осознают, что играют. Если после особо впечатляющей театральной сцены, намекнуть истерику, что чувства, которые он пытается изобразить, не очень-то убедительны или что он сам, возможно, не верит в то, что говорит, то скорее всего он не разозлится оттого, что сцена не удалась, а искренне удивится, растеряется и смутится. Способность истериков действовать неестественно и этого не замечать – поразительна.

Теперь зададимся вопросом: разве в сеансах, которые проводил Юнг, речь шла об этих чертах истерической Сабины? Нет, поскольку он и не обладал ещё сведениями о невротических особенностях. Более основательное знание об истерическом характере сложилось позднее. Следуя Фрейду, Юнг лишь пытался понять драматургию сексуальности, которую представила ему Сабина. Тем значительнее её собственные психоаналитические интуиции, которые фиксируют и особенности истерического характера.

Когда в голове рождается сексуальное желание, либидозная энергия должна опуститься к другому энергетическому якорю – к гениталиям. Но на пути этот поток встречает множество препятствий. А у истерической женщины возле гениталий ограда – они неприкосновенны. Сексуальная энергия не имеет права ворваться туда, потому что у женщин истерического характера пробуждаются все детские обиды, определяющие её поведение на бессознательном уровне.

Список литературы:

1. Батай Жорж. Проклятая часть. М., 2006.
2. Вейнингер Отто. Пол и характер. М., 1991.
3. Гуревич П.С. Философское толкование человека. М., 2012.
4. Лейбин Валерий. Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней. М., 2008.

В равной степени не должны быть утесняемы ни генитальные, ни романтические чувства. Сексуальная близость предполагает влечение романтическое, если оно подлинно, то может завершиться интимной близостью. Но для женщины истерического характера эти два полюса сексуальность и романтическое влечение, являются проблемой. При Фрейде женщина могла любить, могла писать романтические письма, но она сдерживала свою сексуальность. Тогда женщины и мужчины флиртовали, писали стихи в альбом, которые волновали кровь, но не являлись чаще всего прелюдией к сексуальному контакту.

Вот стихи А.С. Пушкина для альбома:
*Пройдет любовь, умрут желанья,
Разлучит нас холодный свет;
Кто вспомнит тайные свиданья,
Мечты, восторги прежних лет?
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.*

Женщине прошлых веков приходилось сублимировать свои сексуальные переживания в мечтательность, в романтические чувства. Но времена изменились. В наши дни, когда прошумела сексуальная революция и отношения между мужчиной и женщиной стали проще, прозаичнее, напротив, женщины такой структуры более всего боятся романтических отношений, идеальных переживаний, шёпота и робкого дыхания.

При оценке истерического типа важно учитывать и культурные различия, которые характеризуют конец XIX в. и наше время. Поведение истерического характера описано на базе тех исследований, которые проводились более века назад. Разумеется, в специфике характера произошли серьёзные изменения. Произошла сексуальная революция, распался протестантский этос, преобразились нравы. Истеричка времен Фрейда могла реализовать свою сексуальность с помощью кокетства, флирта, коварной эротической игры. В наши дни сама сексуальная близость стала более доступной. Однако речь идёт только о внешних проявлениях истерического характера. Между тем структура либидо, в сущности, осталась прежней.

5. Лоуэн Александр. Физическая динамика структуры характера. М., 2002.
6. Лу Саломе. Эротика. М., 2012.
7. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие-Время-Любовь. М., 2013.
8. Шпильрейн Сабина. Психоаналитические труды. Ижевск, 2008.
9. Эрос: Антология: Философские маргиналии проф. П.С. Гуревича. М., 2014.
10. Юнг К.Г. Дух Меркурий. М., 1996.
11. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994.
12. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 2007.

References (transliteration):

1. Batai Zhorzh. Proklyataya chast'. M., 2006.
2. Veininger Otto. Pol i kharakter. M., 1991.
3. Gurevich P.S. Filosofskoe tolkovanie cheloveka. M., 2012.
4. Leibin Valerii. Sabina Shpil'rein: Mezhd u molotom i nakoval'nei. M., 2008.
5. Louen Aleksandr. Fizicheskaya dinamika struktury kharaktera. M., 2002.
6. Lu Salome. Erotika. M., 2012.
7. Motroshilova N.V. Martin Khaidegger i Khanna Arendt. Bytie-Vremya-Lyubov'. M., 2013.
8. Shpil'rein Sabina. Psikhoanaliticheskie trudy. Izhevsk, 2008.
9. Eros: Antologiya: Filosofskie marginalii prof. P.S. Gurevicha. M., 2014.
10. Yung K.G. Dukh Merkurii. M., 1996.
11. Yung K.G. Libido, ego metamorfozy i simvoly. SPb., 1994.
12. Yung K.G. Problemy dushi nashego vremeni. M., 2007.